

Гуторова П.В.

К ПРОБЛЕМЕ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ REPENTANCE и FORGIVENESS В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Восточно - сибирская академия образования

Введение.

Характерная парадигмальная черта современной лингвистики – антропоцентризм, который основной задачей ставит языковое моделирование человека во всех модусах его бытия, с проявлением его физических, психических, интеллектуальных и нравственных потребностей. В этой связи в рамках антропологической лингвистики особую актуальность и значимость приобретают работы, посвященные поиску разного рода смыслов, в том числе личностных, ценностных, и анализу их релевантности в мире. Концептуализация, категоризация и интерпретация человеком окружающего мира осуществляется на основе имеющихся общественных ценностей. Через выражение своего объективного и субъективно-оценочного мнения о них, в речи происходит актуализация ценностных смыслов посредством языковых знаков. Осознание индивидуумом человеческих ценностей происходит тогда, когда он понимает их глубинную основу, истинный смысл и важность для социального бытия, для себя и Другого [8].

Актуальность проблемы определяется устойчивым вниманием современных учёных-когнитологов к проблеме языкового представления констант человеческой культуры, репрезентирующих знания о внутреннем мире индивидуума и его картины мира на материале германских языков [6; 7; 8]. В рамки научных интересов попадает языковая объективация ценностных смыслов социального бытия, являющихся регуляторами и смысложизненными ориентирами деятельности субъекта культуры, поскольку в своей семантике отражают его эмоционально-когнитивное состояние в ценностном измерении.

Они есть мировоззренческие константы, имеющие образный характер и способствующие установлению и всеобщему принятию ценностей [13].

В ценностную картину мира входят различные категории ценностей: этические, эстетические, духовные, нравственные и другие. Феномены покаяния и прощения представляют собой этические ценности как таковые, ориентированные на универсальные оценочные понятия добра, зла и долга и происходящие из осмысления межличностных взаимодействий. Актуальность этических концептов обусловлена стремлением общественного разума сократить расстояние между сущим и надлежащим – идеализированным миром, идеей должного, не соответствующей имеющемуся положению дел в мире. Их сложность определена отсутствием у них какой бы то ни было физической оболочки в материальном мире, где невидимое и необозримое представлены «наглядно» только как слова, но «реальным является не только мир видимый, но и ощущаемый, реальны эмоциональные состояния, чувства и отношения» [15]. Соответственно, действия людей осмысляются как поступки со знаком плюс или минус, когда для этого существует мера – имена, вмещающие этические смыслы, выступающие отражением имеющихся в социуме форм внешней регуляции поведения (честь, репутация), а другие – внутренней, или саморегуляции (совесть, вина), к которым относятся и исследуемые нами ценностные смыслы внутреннего мира человека REPENTANCE и FORGIVENESS.

Имена этических и эстетических норм имеют коннотативные эмоционально-оценочные семы [15], невидимые элементы смысла. За каждым словом стоит структура оценки или знания [5]. Изучение функционирования языкового знака, объективирующего концепт REPENTANCE, свидетельствует о его синкретичном характере, поскольку содержит признаки этического и эмоционального концептов, имеющих причинно-следственные отношения, ибо первый обуславливает возникновение второго: субъект оценивает свой поступок как плохой и отклоняющийся от моральных или социальных норм, вследствие чего он кается в его совершении. Являясь составляющей

семиосферы, покаяние принадлежит миру внутренних переживаний, непостижаемому, глубокому, скрытому, но ощущаемому и чувствуемому «изнутри»: «My precious dear! I've made you unhappy». She felt so repentant [24]. В лингвистической литературе выделяются два аспекта в реконструкции внутренней сферы человека – с точки зрения стороннего наблюдателя и с позиции чувствующего субъекта [12]. Соответственно, внутренние психологические состояния имеют амбивалентное представление в языке: 1) чувство или переживание, реализующиеся на языковом уровне посредством сочетания предиката *feel* с адъективом *repentant* или субстантивом *repentance*, а также словосочетанием *feeling of repentance*: *And what marked the depth of his feeling of repentance, perhaps more than all, considering the passionate love he bore my mother* [17]; 2) суждение о том, что человек испытывает конкретное чувство: *She was repentant toward her father, but she felt that Otto was to blame* [17]. Становясь наблюдателем собственного внутреннего мира, говорящий оценивает испытываемые им эмоции. Таким образом, покаяние – эмоциональное состояние, переживаемое и оцениваемое индивидуумом. Вышеотмеченное манифестирует: в основе структуры исследуемого ценностного смысла **REPENTANCE** лежит оценка – этическая и эмоциональная.

В структуре концепта **FORGIVENESS** облигаторными составляющими являются прощающий и прощаемый, а также присутствует этическая оценка: совершив проступок, грех и причиняя тем самым зло кому-либо, человек, на основе морального сознания и благодаря присутствию Другого, признаёт сам себя виновным, раскаивается за содеянное, что заставляет его просить прощение. *She hesitated – first inclined, then afraid, to believe him. «I have grace enough left in me,» she went on, «to feel the bitterest repentance for the wrong that I have done to Mrs. Linley. When it ends, as it must end, in our parting, will you ask your wife – ?» Even his patience began to fail him; he refused – firmly, not angrily – to hear more. «She is no longer my wife,» he said. Sydney's bitterness and Sydney's penitence were mingled, as opposite emotions only can be mingled in a woman's*

breast. «Will you ask your wife to forgive you?» she persisted [19]. Вступив в любовную связь с женатым мужчиной, героиня, на основе существующих у неё моральных и нравственных принципов (I have grace enough left in me), восприняла себя и свои действия как предосудительные, аморальные, приравненные к сознательному злодеянию, ибо следствием их любовных отношений стал развод супругов («She is no longer my wife,» he said). Чувствуя раскаяние и вину за собой перед женой своего возлюбленного (feel the bitterest repentance for the wrong that I have done to Mrs. Linley), она, пытаясь каким-либо образом её загладить, настаивает, чтобы он попросил прощение у миссис Линли («will you ask your wife to forgive you?» she persisted). Мужчина испытывает идентичные чувства и также сожалеет о содеянном (Sydney's bitterness and Sydney's penitence were mingled), что находит своё выражение в проявлении различного рода эмоций (his patience began to fail him; he refused – firmly, not angrily – to hear more).

Носителями английского языка концепт REPENTANCE оценивается амбивалентно в зависимости от своего содержательного наполнения: как эмоциональное состояние – отрицательно, ибо покаяние представляет собой внутреннее состояние человека, связанное с негативными чувствами и эмоциями (самоунижением, унижением, страданием, муками совести и другими), как этическая ценность – положительно. Концепт FORGIVENESS имеет позитивную оценку. Проиллюстрируем это положение следующими отрезками речи: She managed the recital <...> related simply and honestly the chief points on which Willoughby grounded his apology, did justice to his repentance, and softened only his protestations of present regard [16]; But he praised the forgiveness of Mr. Peacock's wife, Sandra who had told him: «There is no hatred in my heart for those who killed my husband» [17].

Ценностные смыслы REPENTANCE и FORGIVENESS имеют антропоцентричную природу, ибо не существуют вне человека, познающего объективную действительность. Они являются идеальными ментально-психическими образованиями сферы внутреннего универсума индивида,

элементами когнитивного знания о том, что есть в его памяти, языковом сознании и одними из ценностных составляющих духовно-нравственного мира. Его семантика обуславливается совокупностью универсальных смыслов – концептов, констант, формирующих определенное семантическое пространство. Доминирующим признаком всех констант внутреннего мира человека является признак «эгоцентричность», имплицитный или эксплицитный параметр «я» и континуум смыслов, в которых он актуализируется [9]. В переживании покаяния субъект обращён в себя, к своему индивидуальному, эмоциональному, духовному миру, морально-нравственным ценностям, совершённым проступкам, осознанию причинённого зла. Лексема *forgiveness* не является обозначением эмоции в собственном смысле, но включает в своё значение указание на различные эмоциональные состояния индивида на момент его (прощения) совершения. В акте прощения в сознании со стороны прощающего происходит «стирание» чужой вины и желания возмездия или мести. Со стороны прощаемого – признание своей вины перед кем-либо, сожаление и раскаяние за содеянное, что побуждает личность просить прощение. Это свидетельствует о ярко выраженном эгоцентрическом характере покаяния и прощения.

REPENTANCE и FORGIVENESS репрезентируют собой этические, абстрактные, следовательно, дискретные для прямого постижения сущности, принадлежащие морально-нравственному универсуму, занимающему значительное место в семантике внутреннего мира индивида. В языковом сознании REPENTANCE и FORGIVENESS представлены как концепты. Их вербальная объективация осуществляется системой языковых знаков, актуализирующихся в лексико-семантической системе языка и речи. В современном английском языке знаковые системы REPENTANCE и FORGIVENESS зафиксированы за абстрактными именами существительными *repentance* и *forgiveness*, выступающими номинантами одноимённых концептов-смыслов.

Обращение к словарным толкованиям лексикографических источников [23; 25; 27; 28], позволило выделить следующие концептуальные признаки знака *repentance*: признак «чувство или состояние печали, грусти и сожаления» эксплицируется в дефиниции: *deep sorrow as for sin or wrongdoing* [23]. Признак «сожаление о совершённом проступке, действии» толкуется как: *regret for any past action* [28]. Концептуальный признак «угрызения совести» выделен на основе следующих толкований: *remorse or contrition for past conduct or sin* [27]. Признак «акт, действие или процесс покаяния» представлен в дефинициях: *the act of repenting or the state of being penitent* [28]. Признак «ретроспективность» находит отражение в следующих словарных определениях: *deep sorrow for a past sin, wrongdoing, or the like* [27]; *when you are sorry for something you have done* [25]. Этот признак иллюстрирует ментальный процесс возврата к событиям прошлого времени, порождающего оценку поступков личности.

Концептуальными признаками лексемы *forgiveness*, выделенными нами на основе словарных толкований, являются следующие: признак «акт или процесс прощения человека за что-либо» дефинируется как: *the action of forgiving* [23]; *the act of forgiving* [25]. Признак «желание простить» фиксируется в дефиниции: *disposition or willingness to forgive* [28]. Концептуальный признак «быть прощённым» толкуется в словарях: *state of being forgiving* [25].

Таким образом, покаяние концептуализируется носителями английского языка как акт, процесс, действие личности, чувство, эмоциональное состояние, являющееся физиологической и психической реакцией на окружающий мир и непосредственно связанные с когнитивной деятельностью индивида. Прощение, выступая одной из сущностей человека, отождествляется с желанием, готовностью, состоянием и актом. Оно есть когнитивный ментально-психический процесс внутреннего мира индивида. Данный набор концептуальных признаков концептов *REPENTANCE* и *FORGIVENESS* репрезентирует их инвариант – общий смысл, содержание которого известно всем представителям англоязычного этноса. В основе концепта находится его основной элемент или исходная прототипическая модель [11]. Чтобы

классифицировать определённую ситуацию покаяния или прощения, говорящий/ слушающий субъект должен иметь некое идеальное представление о ней, включающую в себя набор типичных семантических компонентов – когнитивную модель. Благодаря ей, выступающей в качестве когнитивного основания, обеспечивается понимание между коммуникантами. Прототипическая модель или ситуация покаяния включает в себя следующие компоненты: субъект покаяния (тот, кто кается), процесс или акт покаяния, его объект (эмоция) и причина (почему раскаивается). Для ситуации прощения обязательными составляющими являются субъект прощения (тот, кто прощает при наличии желания простить), сам процесс прощения, его причина (почему субъект прощает и за что) и объект (тот, кого прощают). Субъект и объект прощения могут совпадать.

Основной постулат когнитивной семантики: концепты формируются и интерпретируются «на фоне» других структур знания [10]. Исследуемые нами концепты REPENTANCE и FORGIVENESS обладают богатым номинативным потенциалом, включающим в себя синонимические ряды и отношения гиперонимо-гипонимического характера среди объективирующих их лингвистических средств. Семантика языковых знаков, актуализирующих в речи данные ценностные смыслы, создаёт семантически непрерывное пространство, где каждый отдельный словесный знак связан со значением других, что обусловлено синергетической речемыслительной деятельностью индивида. Концепт REPENTANCE взаимодействует и пересекается с рядом других концептов: REGRET, SORROW, SADNESS, REMORSE, GUILT, SELF-REPROACH, ADMISSION. Ценностный смысл FORGIVENESS семантически сопряжён с MERCY, AMNESTY, INNOCENCE, RECONCILIATION, PATIENCE, CONDONATION, ABSOLUTION. Они выражают лишь часть содержания исследуемых смыслов и в своей совокупности конституируют цельную когнитивную структуру концептов REPENTANCE и FORGIVENESS. Так, корреляция ментальных явлений REPENTANCE и REMORSE определяется тем, что в последнем заложена сема глубокого мучительного и

терзающего чувства вины за совершённый проступок, самопорицания, порой отождествляемое с физической болью, муками и страданиями. Однако, несмотря на смежность языковых знаков *repentance* и *remorse* в сознании носителей английского языка, существует их существенное концептуальное отличие. Проиллюстрируем это положение языковым материалом: *I had weight of guilt upon me enough to sink any creature who had the least power of reflection left, and had any sense upon them of the happiness of this life, of the misery of another; then I had at first remorse indeed, but no repentance* [17]. Довлеющее чувство вины породило у героя раскаяние, муки и угрызения совести за совершённые поступки (*I had weight of guilt upon me*), но данное эмоциональное состояние субъект номинирует именно лексемой *remorse*, а не *repentance* (*I had at first remorse indeed, but no repentance*).

В следующем фрагменте речи говорящий напрямую постулирует сущностное наполнение и различие исследуемых знаков: «*Remorse! remorse! No, no, David! Remorse is for feeble souls; remorse is the virtue of hell; remorse would sin again if it could. I have repented, David, and repentance ends all*» [17].

В английском языковом сознании концепты *REPENTANCE* и *REGRET*, несмотря на их близость, не полностью отождествимы:

«*I am really most awfully sorry*» he said again. «*I find it difficult to believe in the sincerity of your repentance*» said the Rector frowning. «*My regret you may believe in,*» said Vernon stiffly. «*There is no ground for even the mention of such a word as repentance*» [17]. Учащийся университета выражает сожаление по поводу совершённого, что объективируется сочетанием адъектива *awfully* в превосходной степени с языковым знаком *sorry* (*most awfully sorry*). Оскорбленный поведением студента, ректор ждёт от него выражения должного раскаяния за содеянное, высказывая своё сомнение в искренности покаяния (*I find it difficult to believe in the sincerity of your repentance*), содержащее иллюкутивную силу воздействия на собеседника с целью изменения его поведения. Однако, по мнению молодого человека, совершённый им проступок не является настолько серьёзным, что ему следует покаяться (*There is no ground*

for even the mention of such a word as repentance). Он выражает лишь сожаление, объективируя его лексемой regret (My regret you may believe in). Использование обозначенных словесных знаков свидетельствует об их существенных концептуальных различиях в сознании англоязычных носителей. Лексема repentance служит для проявления более глубокого чувства, приносящего тяжёлые, долгие, негативные, мучительные страдания субъекту. Языковой знак regret также используется для выражения схожих чувств, но не такой высокой степени отягощённости чувством вины и отрицательных эмоций.

Согласно изученным словарным толкованиям, концепт FORGIVENESS содержит семантический компонент «желание, расположение простить», объективирующийся в современном английском языке языковыми единицами willingness и disposition. Желание есть одно из условий существования нравственного и ответственного поведения. Его наличие служит средством основания к действию и присутствует в составе всех процессов, направленных на достижение результата [2]. Имплицитный компонент «желание простить» обусловлен отказом от намерения отомстить обидчику за нанесённый ущерб. Со стороны того, кто просит прощения – это желание быть прощённым: <...> my own voice seemed to me muffled, lost in unresponsive deaf immensity. «We all want to be forgiven,» I added after a while [17].

Соположенность концептов FORGIVENESS, PATIENCE и CONDONATION обусловлена тем, что акт прощения требует не только проявления милосердия, но и терпения, снисхождения к обидчику, его поведению и поступкам. Этот признак объективируется лексемами patience и condonation. Проявляя терпение и прощая, человек отказывается от намерения судить других и навязывать своё собственное мнение и видение конкретной ситуации. Терпение в прощении выражается в том, что индивиду следует с пониманием относиться к недостаткам и порокам других как к своим собственным. В нижеприведённом отрезке речи мужчина решил простить свою жену за безнравственное поведение, проявив терпеливость к её изъяснам, несмотря на тот факт, что его первым побуждением было подать на развод: This

was met with a reply of condonation, that's to say his behaviour in Reno had demonstrated that he had forgiven his wife whatever actions on her part had forced him to seek a divorce in the first place [17].

Концепты REPENTANCE и FORGIVENESS имеют ретроспективный характер. Прощающий прощает уже за нанесённый ущерб или обиду. Чувство и эмоциональное состояние покаяния также возникает при осознании о содеянном проступке, злодеянии. Поэтому использование глаголов *repent* и *forgive* для маркировки события, относящегося к плану прошедшего, является прототипичным. Употребляя данные предикаты в будущем времени и актуализируя гипотетическое действие, субъект осуществляет (но не всегда) речевые акты принятия обязательств, имеющих комиссивную иллокутивную цель в терминах теории речевых актов [14]. Рассмотрим их более детально:

I. Речевой акт угрозы:

(1) «Don't let me ever see you nowhere within forty mile of London, or you'll repent it» [17]; (2) «You did wrong to show yourself to him. And if you stay here you will repent it» [26].

В вышеприведённых текстовых фрагментах акт угрозы объективируется с помощью придаточных предложений, в которых нарушение события-условия есть источник приведения к нежелательному следствию.

II. Речевой акт обещания.

Реализуя данный вид речевого акта, индивид чаще всего употребляет глагольный предикат *repent* в отрицательной форме. В этом значении он имеет семантическое сближение с русским глаголом в отрицательной форме «не пожалеешь»: «Jane, you would not repent marrying me – be certain of that; we must be married. I repeat it: there is no other way; and undoubtedly enough of love would follow upon marriage to render the union right even in your eyes» [18].

III. Речевой акт заверения.

Употребление глагола *forgive* в будущем времени в придаточных предложениях актуализирует речевой акт заверения, а иногда и угрозы реализовать сказанное: (1) «Should anything happen to him, I think you would

never forgive yourself if you hadn't parted in charity» [26]; (2) «Nobody could, I'm sure. He must forgive you, my dearest, kindest husband. O, I shall never forgive myself if he does not» [26].

Языковая ситуация в тексте/ дискурсе представляет собой информационную логическую структуру, отражающую диалектические свойства материальной субстанции, конструирования бытия, схему наличествующих в нём связей, обеспечивающих функционирование языка, представляющего собой организованную семиотическую систему в качестве средства общения [8].

Лингвистическое исследование языковых знаков, объективирующих концепты REPENTANCE и FORGIVENESS, проводится нами на материале бытийного и религиозного дискурса. Для изучения концептов REPENTANCE и FORGIVENESS избран бытийный вид дискурса на основании того, что он: 1) характеризуется фокусированием на чувственно-эмоциональной сфере субъекта; 2) предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов в процессе художественного и философского познания мира; 3) отличается личностным и межличностным характером отношений, возникающих в процессе покаяния/ прощения и в говорении о них.

Религиозный дискурс представляет собой сложный коммуникативно-культурный феномен, выражением которого служат определенные языковые и речевые способы. Особенность и специфика этого типа дискурса состоит в том, что: 1) адресант и адресат разведены не только в пространстве, но и во времени; 2) присутствует категории сакральности; 3) его важнейшим компонентом является заключенная система ценностей, открыто утверждающаяся [4]. Основание выбора данного вида дискурса обусловлено не только вышеназванными характеристиками, но и тем фактором, что ценностные смыслы REPENTANCE и FORGIVENESS являются одними из центральных в религиозной философии. В английском языке существуют теологические имена, их вербализующие: прощение – absolution и remission of sins; покаяние – contrition и attrition. Absolution предполагает формальное прощение грехов

христианской церковью или священником [23]. Remission of sins актуализирует Божественное прощение [23]. Contrition объективирует искреннее раскаяние за содеянный грех, проступок, нанесённую обиду. Говорящему необходимо получить прощение Бога. Attrition подразумевает раскаяние, основанное на чувстве страха быть наказанным Богом [21]. Несмотря на существование данных языковых знаков, в религиозных текстах употребляются и базовые лексемы-репрезентанты repentance и forgiveness. Принимая во внимание тот факт, что англоязычное общество имеет различные вероисповедания, для исследования нами избраны тексты Священного Писания, материалы о Христианстве Интернет-сайтов и публицистические тексты, имеющие христианскую религиозную направленность содержания.

Образная сторона изучаемых смыслов представлена разнообразными общими и дифференциальными метафорическими моделями: REPENTANCE / FORGIVENESS IS A HUMAN BEING: Some have been known to shed tears of repentance as part of an experience of religious conversion [17]; The knot of the father is the glad sense of forgiveness [17]. Антропоморфизм покаяния/ прощения реализуется также в том, что концептам REPENTANCE и FORGIVENESS присущи признаки качеств характера человека «гордый», «душевный», «кроткий», «непосредственный»: Let me be able to fancy that a better knowledge of my heart, and of my present feelings, will draw from her a more spontaneous, more natural, more gentle, less dignified, forgiveness [16].

Метафора REPENTANCE IS A HUMAN BEING может иметь разного рода вариации. Так, например, покаяние концептуализируется как представление о ком-то, причиняющим страдания, муки и беспокойства, неприятности, внезапную острую боль. В этой ситуации актуализируется метафорическая модель REPENTANCE IS A TORMENTOR: <...> but it brought only the torture of penitence, without the hope of amendment [16].

Феномены покаяния и прощения не только подвергаются персонификации, но и могут быть представлены в виде предметов и явлений неживой природы, поскольку язык овеществляет ментальное, которое обращается к физическому,

обеспечивающему ему чувственное восприятие посредством сенсорных ощущений. Их роль заключается в вещественном воспроизведении ментального и дискретного [3]. Соответственно, в английском языке имеет место метафорическая модель: REPENTANCE / FORGIVENESS IS AN OBJECT. Прощение, как некий предмет, берут (1) или с презрением отталкивают (2):

(1) Now, Mr. Jarndyce, I am employed by Sir Leicester Dedlock, Baronet, to follow her and find her, to save her and take her his forgiveness [17]; (2) Even so, we would have taken her back, like the lost lamb that went astray, but she spurned our forgiveness [17].

Как и любой предмет, покаяние имеет вес, способный своей тяжестью подавлять или притеснять что-либо (1), издавать гул, шум (2):

(1) <...> of the laden hopelessness of morning ever dawning; and the oppression of a weight of remorse [17]; (2) They would make noises of repentance and claim that they felt badly for what had transpired [17].

Метафорическая модель REPENTANCE / FORGIVENESS IS A SUBSTANCE иллюстрирует признаки вещества, передающие их физические свойства. Так покаяние ассоциируется одновременно с ядом и лекарством (1), субстанцией, заполняющей какую-либо ёмкость (2), прощение – со смазочным материалом отношений (3):

(1) «Miss Eyre, remorse is the poison of life». «Repentance is said to be its cure, sir» [18]; (2) But it was because Cecily cried all night that Dan was filled with saving remorse and repentance. He vowed next day to Cecily that he would never swear again, and he kept his word [17]; (3) Forgiveness is the oil of relationships [17].

В религиозном дискурсе концепты REPENTANCE и FORGIVENESS ассоциируются в большинстве случаев с некой абстрактной сущностью или персонифицируются: покаяние предстаёт в образе живого существа, растения, Божьей радости и других. Прощение ассоциируется с человеком, необходимостью, целью. Таким образом, метафорические модели номинируют и репрезентируют ценностные смыслы REPENTANCE и FORGIVENESS как

сложные психические (ментальные, эмоциональные) процессы человека, рефлекслируемые в его языковом сознании.

Среди лексем-репрезентантов анализируемого ценностного смысла REPENTANCE особого внимания заслуживает лексема confession, ибо в её толковании находим семантический компонент: «признание (вербальное) своих грехов и проступков»: confession – the act or process of confessing – акт или процесс признания; исповедание своих прегрешений перед кем-либо, в особенности, перед священником с целью получения прощения – something confessed, especially disclosure of one's sins to a priest for absolution; устное или письменное подтверждение грехов субъектом, обвиняемым кем-либо – a written or oral statement acknowledging guilt, made by one who has been accused or charged with an offense [27].

Однако следует отметить: признаваться можно не только в совершённых проступках, но и в своих предпочтениях, привычках, недостатках и тому подобное. В качестве иллюстрации приведём следующие отрезки текстов: (1) «I do not know what I could imagine, but I confess that I have seldom seen a face or figure more pleasing to me than hers. But I am a partial old friend» [16]; (2) News did not come, but V. E. Day did, and I have to confess that it was one of the saddest days of my life [17].

Этот семантический компонент нерелевантен для проводимого нами исследования. Соответственно, мы анализируем только те текстовые фрагменты, где данная лексема объективирует значение «признание (вербальное) своих грехов и проступков». Ситуация признания обычно требует присутствие адресанта для дешифровки значения сообщаемого говорящим.

В английском языке существуют пословицы, манифестирующие: признание является неотъемлемой частью покаяния: Confession is the first step to repentance. Признание – первый шаг к покаянию (ср. с русской посл. «повинную голову меч не сечет»); More have repented speech than silence [28]; From hearing comes wisdom, from speaking repentance [28]. В следующей

поговорке репрезентируется соположенность исследуемых феноменов: A fault confessed is half forgive – признание есть часть прощения.

Базовая мировоззренческая парадигма основывается на представлении о дуалистической картине мира как борьбы антагонистических начал. Лексемы *repentance* и *confession*, пересекаясь в определённой части своих концептуальных областей, репрезентируют двоичность восприятия мира и актуализируют дихотомию (разделение надвое) «высказанное – невысказанное». Признаваясь в чём-либо, адресант не передаёт конкретное коммуникативное сообщение «Я каюсь перед вами за что-либо» адресату, а высказывает сам факт совершения проступка или прегрешения по отношению к нему. В качестве иллюстративного материала для подтверждения вышесказанного приведём следующий языковой фрагмент: «I was so young, Lester», she pleaded. «I was only eighteen. I didn't know. I used to go to the hotel where he was stopping and get his laundry, and at the end of the week I'd take it to him again». She paused, and as he took a chair, looking as if he expected to hear the whole story, she continued: «We were so poor. He used to give me money to give to my mother. I didn't know». She paused again, totally unable to go on, and he, seeing that it would be impossible for her to explain without prompting, took up his questioning again – eliciting by degrees the whole pitiful story. Brander had intended to marry her. He had written to her, but before he could come to her he died. The confession was complete [20].

Девушка признаётся своему возлюбленному в укрывательстве от него своей дочери, которую она родила в результате прошлой любовной связи с мужчиной. Испытывая мучительные внутренние переживания и чувство вины перед ним, она эксплицирует ему причины и основания, толкнувшие её на эти отношения. Подтверждение высокой степени переживаемого субъектом чувства покаяния находит своё выражение в повторяемости фразы (*I didn't know*), необязательной и бессмысленной в данной ситуации, в невербальном сопровождении речевого акта признания: частые паузы (*she paused; she paused again*), трудность физически выговорить слова (*totally unable to go on*), что позволяет партнёру по общению

концептуализировать психологическое состояние коммуниканта как покаянное признание (the confession was complete). Душевное состояние человека недоступно прямому созерцанию и всегда скрыто, поэтому трудно поддаётся непосредственному наблюдению и познанию, однако в большинстве случаев сторонний наблюдатель способен интерпретировать и семиологизировать испытываемые людьми чувства благодаря внешним симптомам [12].

Наличие семантического компонента «исповедание своих грехов перед священником» в языковом знаке confession – when you tell a priest or God about the bad things that you have done [23] обусловило краткое рассмотрение его особенностей функционирования в религиозных текстах. Обратимся к эмпирическому материалу с целью проследить языковое воплощение данного значения в англоязычном отрезке речи: «It is many years since my last confession and I confess in the face of God and in the hope of his divine mercy at the imminent approach of death» [22]. Исповедуясь в своих грехах, субъект мысленно предстаёт перед самим Господом (I confess in the face of God), и, признаваясь, надеется на его милосердное прощение (in the hope of his divine mercy).

Обязательным условием искреннего признания своих проступков и злодеяний является отказ от попытки оправдать их, дать какое-либо объяснение мотиву их совершения. Осознание и признание верующих собственной вины и бесконечной греховности – первый шаг к Богу и духовному возрождению.

Когда внешние признаки внутреннего душевного состояния покаяния, служащие источником демонстрации микромира субъекта, не находят своего проявления, это может декодироваться партнёром по общению как отсутствие искреннего раскаяния за содеянное: Father Simon approached, took her hand, kissed her on the forehead and said in a gentle voice: «May God pardon your sins, my daughter. Be of good courage. Now is the moment to confess them – speak!». «Marilla, I'm ready to confess». «Ah!» Marilla laid down her tray. Once again her method had succeeded; but her success was very bitter to her. «Let me hear what you have to say then, Anne». «I took the amethyst brooch,» said Anne, as if repeating a lesson she had learned. «I took it just as you said. I didn't mean to take it when I went

in. But it did look so beautiful, Marilla, when I pinned it on my breast that I was overcome by an irresistible temptation. Marilla felt hot anger surge up into her heart again. This child had taken and lost her treasured amethyst brooch and now sat there calmly reciting the details thereof without the least apparent compunction or repentance [24]. Девочка признаётся в воровстве дорогой аметистовой броши (I took the amethyst brooch). Оправдывая себя и свои действия, она повествует, что не собиралась этого делать, но была охвачена красотой драгоценности (I didn't mean to take it when I went in. But it did look so beautiful, Marilla, when I pinned it on my breast that I was overcome by an irresistible temptation). Не увидев выражения раскаяния в телесном поведении девочки (as if repeating a lesson she had learned; sat there calmly reciting the details), адресат данного сообщения интерпретирует признание данного субъекта как пересказ, лишенный видимого и ожидаемого искреннего покаяния (without the least apparent compunction or repentance).

Таким образом, средством доступа к внутреннему миру индивида, его психологическому и эмоциональному состоянию являются невербальные знаки. Соответственно, полное моделирование изучаемых концептов, как онтологически дискретных для наблюдения, но проявляющиеся во внешних признаках, возможно путём описания и исследования данного аспекта.

Проанализированный фактологический материал свидетельствует: основными невербальными средствами выражения ценностных смыслов покаяния и прощения являются: жесты (опустить голову, падать на колени и др.); взгляд и выражение глаз; фонация (плач, рыдания, молчание); физические характеристики (слёзы, внешний облик); определённые телодвижения: «Someday, my friend», said Philippe, pressing his hand, and thanking him for his mute repentance by a heart-rending look, «I will relate to you my life» [17]; She recovered consciousness almost immediately, and, as she opened her eyes, George read in them the most perfect forgiveness for the man who had ruined her [17].

Наличие прототипического компонента причины (почему субъект прощает) в структуре концепта FORGIVENESS определило наше обращение к

его анализу. Причинно-следственные отношения являются одними из базовых инструментов, при помощи которых индивид описывает окружающий универсум и самого себя [1]. Сопряжённость ценностных смыслов REPENTANCE и FORGIVENESS проявляется в причинно-следственном типе отношений, в котором покаяние является предпосылкой или причиной для прощения, образуя общую зону их взаимодействия. Через неё раскрывается объективно имеющаяся аналогия между физическим и ментальным миром [7].

When luncheon time arrived he met his father, and Mr. Joslyn took occasion to reprove his son in strong language for running away from home and leaving them filled with anxiety as to his fate. However, when he saw how happy and improved in health his dear wife was at her boy's return, and when he had listened to Rob's manly confession of error and expressions of repentance, he speedily forgave the culprit and treated him as genially as ever [17]. Сын, вернувшись домой после побега, вербально признаёт, озвучивает свои проступки (confession of error), выражает своё покаяние посредством внешних симптомов (expressions of repentance) и получает родительское прощение (he speedily forgave).

Выводы.

Теоретическое осмысление лингвистических проблем в русле антропоцентрической парадигмы, учёт принципов концептуализации и категоризации знаний, базовых постулатов, методологически важных для изучения концептов REPENTANCE и FORGIVENESS и принятая в настоящей работе модель актуализации языковых знаков, позволила пошагово изучить языковую объективацию этих ценностных смыслов в современном английском языке.

Литература:

1. Богуславская О.Ю. Причина, повод, предлог // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - С. 34-43.

2. Воркачёв С.Г. «Желание» и «безразличие» в логике оценок и логике чувств // Концепты: сб. науч. тр. – Архангельск: Из-во Поморского гос-го ун-та, 1997. - С. 174-191.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. - 231 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
6. Малинович М.В. Причинность // Внутренний мир человека: семантические константы: коллективная монография – Иркутск, 2007. - С. 397-437.
7. Малинович М.В. Ассерция. Негация. Причинность: Взаимодействие категорий // Логический анализ языка. Ассерция и негация. – М.: Индрик, 2009. - С. 34-44.
8. Малинович М.В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории: языковая реальность: коллективная монография к юбилею профессора М.В. Малинович. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. - С. 10-42.
9. Малинович Ю.М. Ментальные миры: семантика внутреннего мира человека // Внутренний мир человека: семантические константы: коллективная монография. – Иркутск, 2007. - С. 49-58.
10. Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект. – Харьков: Экограф, 2005. - 300 с.
11. Рябцева Н.К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. - С. 72-77.
12. Семёнова Т.И. Лингвистический феномен кажимости. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 237 с.

13. Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. - С. 8-62.
14. Сёрль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. - С. 242-263.
15. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. - 320 с.
16. Austen J. Sense and Sensibility. – London: Thomas Nelson and Sons, 1963. - 235 p.
17. British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
18. Bronte Ch. Jane Eyre. – New York: New American Library, 1982. - 461 p.
19. Collins W. Woman in White. – London: Penguin Books, 1994. - 569 p.
20. Dreiser Th. Jennie Gerhardt. – Moscow: Progress, 1972. - 358 p.
21. Fernald J.C. Synonyms, Antonyms, and Prepositions. – New York: Funk and Wagnalls Company, 1947. - 515 p.
22. Journey with Jesus. – URL: www.journeywithjesus.net.
23. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Longman, 2005. - 1950 p.
24. Mansfield K. The Collected Stories. – England: Penguin Classics, 2007. - 779 p.
25. Merriam Webster's Learner's Dictionary. – URL: <http://www.learnersdictionary.com>.
26. Thackeray W. Vanity Fair. – London: Penguin Books, 1994. - 672 p.
27. The American Heritage Dictionary of the English Language. – Houghton Mifflin Company, 2006. – URL: <http://www.yourDictionary.com>.
28. Word Net. – URL: <http://www.yourDictionary.com>.